

Ф. СЕМЯНОВСКИЙ
ПОВЕСТЬ
О ФРОНТОВОМ
ДЕТСТВЕ

Военное детство

Феликс Семяновский

Повесть о фронтовом детстве

Издательство «Детская литература»

1980

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Семяновский Ф. М.

Повесть о фронтовом детстве / Ф. М. Семяновский —
Издательство «Детская литература», 1980 — (Военное детство)

ISBN 978-5-08-006329-9

Осенью 1941 года Федька должен был пойти в первый класс, однако война распорядилась иначе. Семью осиротевшему мальчику заменили разведчики, учиться грамоте пришлось в перерывах между боями. Маленький отважный «фронтовичок» с честью выдержал все тяготы войны и совершил не один взрослый подвиг. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006329-9

© Семяновский Ф. М., 1980
© Издательство «Детская
литература», 1980

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Дядя Вася	7
Нестрашный немец	10
Глава вторая	13
Первое утро	13
Пётр Иванович	13
Автомат – хорошая штука	15
Уходим из города	17
Часть вторая	19
Глава первая	19
«Снаряды – вперед!»	19
Я стреляю по немцам	20
Вот так лапшичка!	21
Глава вторая	24
«Попрыгали!»	24
Так долго ждать	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Феликс Семяновский

Повесть о фронтовом детстве

Серия «Военное детство»

Оформление серии О. Рытман

© Семяновский Ф. М., наследники, 1980

© Курбанова Н. М., рисунки, 2020

© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2020

* * *

1941–1945

К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Часть первая Наши

Глава первая Разведчики

Дядя Вася

Наши! Наши пришли! Свобода! Бегай по улице сколько хочешь. Можно! Ни жандарм, ни полицай не пристрелят. Сами поудирали. Теперь снова всё наше будет! Советское, как до войны.

Вот они, бойцы в мокрых ватниках. Я им столько расскажу! Я их целых три года ждал. Но к ним не проберешься. Местные окружили, шумят. Бойцов даже не слышно. А вон появились новые бойцы. Их так много стало. Еле успеваешь ко всем подбежать и рассмотреть. Они заходили в дома и оставались там. В домах тепло, в них можно обсушиться и обогреться. И местные начали расходиться. А мне куда идти? К Третьяку? Ни за что я к нему не пойду. Опять бить будет.

Солнце скрылось. Заморосил холодный дождь. Подул ветер. Он пробирал до костей. Я спрятался от него за забором. Мерзла потная спина. Ноги были мокрыми. Есть хотелось не знаю как. Даже кружилась голова. И так пусто кругом. Опять я остался один в целом мире. Хоть пропадай.

Возле меня медленно проехала военная повозка. Ее тащили заморенные лошади. Правил старый боец с морщинистым лицом, в темной от дождя телогрейке. Он сгорбился. Тоже, наверное, устал. Даже не держал автомат в руках, положил его на сиденье.

Я пошел рядом с повозкой и всё смотрел и смотрел на бойца. Может, подвезет куда-нибудь и даст поесть. Он тоже глядел на меня, но как будто не видел. Потом мотнул головой, точно проснулся, и остановил лошадей:

– А ну садись!

Я хотел одним махом вскочить в повозку. У меня это ловко получалось, когда я у Третьяка работал. Но сейчас сил не хватило. Боец помог, посадил рядом:

– Ты чего один бродишь?

- Так.
- Небось заждались тебя дома, ищут?
- Нет у меня дома.
- Как нету? Отец-то где?
- Убили.
- А мать?
- Убили.

Он внимательно посмотрел на меня:

- Выходит, без родни остался?

- Один.

- Жил-то где один?

- У Третьяка. Куркуля. Коров и коней пас, в конюшне и сарае работал. Я от него убежал.

Он бил сильно.

- Куда ж ты идешь?

- Не знаю.

Боец тяжело вздохнул.

Мы въехали во двор длинного дома с высоким крыльцом.

- Посиди. Коней выпрягу, – сказал боец.

Уже приехали? Куда ж теперь идти? Может, он возьмет с собой в дом погреться? А я помогу ему. Я хорошо умел распрягать и запрягать.

Боец легко спрыгнул на землю, быстро распряг и отвел лошадей в сарай.

- Пошли, – позвал он меня.

Хоть и вместе с бойцом, а все же страшновато идти в чужой дом. Но тот шел так уверенно, будто прожил здесь всю жизнь.

Мы вошли в кухню. У Третьяка была побольше. Печку недавно протопили – было так тепло, что я сразу почувствовал, какая мокрая на мне одежда.

Дверь из кухни в комнату распахнута. Сразу видно, что в ней поселились бойцы. На полу постелено сухое сено. Оно покрыто плащ-палатками. На сене хорошо спать – и мягко, и пахнет здорово. На плащ-палатках лежали шинели, у стенки в ряд стояли зеленые мешки с лямками. Две деревянные кровати были сдвинуты к стене.

У окна – длинный стол без скатерти. Сколько на нем хлеба! Целые буханки. Блестят черные корочки. Я на языке почувствовал, какой этот хлеб вкусный. Я бы сейчас мог свободно буханку съесть, без остановки. Были на столе и консервы в банках с красивыми картинками, и большие куски сахара. Столько всего, что даже не верилось. Третьяк уж на что был куркуль, но никогда у него на столе я не видел так много хлеба.

Чье же это богатство? Бойцов или хозяев? Хозяев не видно. Может, они тоже были куркулями и удрали с немцами? А почему нет бойцов? Куда они подевались?

Старый боец усадил меня за стол:

- Перво-наперво заправимся с тобой. Голод не тетка. А звать-то тебя как?

- Федя.

- Федька, выходит. А я – дядя Вася.

Дядя Вася быстро и ловко столовым ножом раскрыл консервную банку, вытащил из-за голенища сапога ложку, вытер ее о рукав гимнастерки и протянул мне:

– Нажимай, дружок Федька. Норма у нас фронтовая. Всего в достатке. И тебя прихарчим, чтоб жирок завязался.

Он отрезал от буханки кусок:

- Держи.

В одной руке не удержишь – такой он большой. Хлеб припахивал чем-то военным. Никогда я не ел такого вкусного хлеба. В банке была колбаса. Мягкая, без сала и без шкурки. Ее

легко резать ложкой и есть, как кашу. Я думал, что съем всю банку и целую буханку – и то мало будет. Но справился лишь с половиной банки и полкусом хлеба. Кусков оставлять нельзя, за это Третьячиха ругалась. Я дожевал весь кусок и осторожно положил ложку. Дядя Вася не будет ругаться, что я не доел колбасу?

– Покушал уже? – удивился он совсем не сердито. – Чегой-то мало?

– Спасибо.

– Погодь вставать, чаёк поспел.

Он наполнил кружку. Я выбрал кусочек сахара поменьше.

Дядя Вася хитровато посмотрел на меня и с плеском бросил в кружку два самых больших куса:

– Размешивай.

Я, жмурясь, осторожно подносил кружку к губам.

Чай был сладким-сладким. Такой я в оккупации ни разу не пил.

За окном быстро темнело. Зимой всегда рано темнеет, а сейчас еще февраль на дворе. Дядя Вася зажег коптилку. Дело знакомое: в оккупации электричества не было, да и керосину не достанешь, люди делали коптилки кто из чего мог – из консервной банки, из снарядной гильзы. Вырежешь фитиль из плотной материи, зальешь бензином, насыплешь соли, чтоб не взорвалась, – и коптилка готова.

У дяди Васи аккуратная коптилка из маленькой снарядной гильзы.

– Наелся аль добавки попросишь? – спросил он, когда я выпил весь чай.

– Наелся.

– С разведчиками, дружок Федька, не пропадешь. Хочешь с нами воевать?

– Хочу.

– Сейчас ребята на дело ушли. Вернутся – с Петром Ивановичем поговорим, чтоб остался ты у нас. Он противиться не будет.

Разведчики? Я перед войной часто играл с ребятами в «красных» и «белых» и всегда хотел быть разведчиком: так интересно было прятаться, высматривать, что делалось у «белых», и потом всё рассказывать нашему красному командиру. А здесь взрослые, самые настоящие разведчики!

Я всё, всё сделаю, чтобы понравиться Петру Ивановичу. Так буду работать, как у Третьяка никогда не работал!

– В баньку сходить бы с тобою для начала службы, – задумчиво сказал дядя Вася. – Да где же ее сыщешь? Ладно, в тазу помоемся. Раздевайся. Твою одежку просушу покамест, а тебе телогрейку дам.

Он развесил мою одежду на веревке над печкой. От нее сразу повалил пар. На краю печки он положил два полена и на них поставил ботинки. Дядя Вася снял гимнастерку, закатал рукава рубахи, выложил из своего мешка полотенце, чистую рубаху, кусок черного мыла, налил в таз горячей воды, разбавил ее холодной.

Я скинул телогрейку.

Вода была горячей, но я терпел и только осторожно переводил дыхание.

– Горячо? – спросил дядя Вася.

– Нет.

– А то холодной прибавлю.

Он долил в таз холодной воды:

– Лучше?

– Ага.

Дядя Вася заботливо мыл меня, и улыбка не сходила с его обветренных губ.

– Экий ты тонкий, насквозь светишься. А в кости крепкий, силач будешь.

Он намылил мне голову, взъерошил волосы, несколько раз их промыл. Потом пригоршнями зачерпывал воду, окатывал и растирал ноги. Они потрескались, как деревяшки. Это от росы: я у Третьяка всегда рано утром выгонял коров и до самых холодов ходил босиком.

Дядя Вася осторожно вытер меня вафельным полотенцем, натянул длинную, до пят, чистую рубаху, как маленького, на руках отнес в комнату, положил в угол на шинель и бережно укутал другой.

– Отсыпайся. А я твое бельишко простирну.

Я вытянул ноги и засмеялся. Неужели это я, чистый, лежал в тепле, укрытый красноармейской шинелью, от которой пахло махоркой?

Дождь стучал в окно. Ветер бился в стену. Но ни дождь, ни ветер – ничто на свете мне теперь не было страшно.

Нестрашный немец

Я уснул. И приснился мне сон. В темноте эсэсовцы расстреливают заложников. Тех, кого схватили на улицах, и меня тоже. У всех руки связаны веревками, а мне почему-то не связали. Кругом голое поле. И на нем, куда ни помотришь, рядами стоят эсэсовцы с автоматами. Автоматы направлены на нас. Лают огромные черные овчарки. Наших по одному тащат к глубокому рву. Там стоит самый здоровый эсэсовец. Это он расстреливает людей, и они один за другим падают в ров. Сейчас поведут меня. И тут кто-то из наших толкает меня в спину и кричит:

«Беги!»

Я бегу что есть силы. За мной гонятся жандармы. Вот-вот догонят, наступят своими сапогами с большими железными гвоздями на подошвах. Передо мной высокий забор. Не знаю как, но я перескакиваю через него, падаю в глубокую яму – и просыпаюсь.

Немцы! Опять немцы пришли! За мной!

Я сел, прижался к стене. Теплая рука дяди Васи легла мне на голову:

– Не бойся. Видишь, он пленный, «язык», отвоевался. Наши его взяли, сейчас в штаб отведут. А ты спи, спи, сынок.

Сердце всё еще громко стучало, и я никак не мог понять, кончился сон или нет.

Этот немец мне ничего не сделает? Не заберет меня? Он стоял не посреди комнаты, как всегда, когда они входили в дом, а в углу. Он точно хотел подальше забиться в этот угол, спрятаться ото всех. Такого немца я еще никогда не видел. Шинель на нем была привычная. Но какая она была мятая, грязная! Он стоял без ремня, в руках не было ни винтовки, ни автомата. Немец взглянул на меня, и я понял, что он боялся. Он боялся наших!

А они, разведчики, дружно сидели за столом и при свете коптилки закусывали. Были они в просторных, надетых на телогрейки пятнистых рубахах, таких же пятнистых штанах, в шапках со звездами. Кто положил свой автомат на стол, кто держал на коленях, кто на лавку пристроил. И ели они консервную колбасу не ложками, а вырезали ее из банок финками, накалывали на острие и отправляли в рот.

Разведчики поели, попили чаю, вытерли о рукава блеснувшие сталью финки, вложили их в черные чехлы на ремнях.

– Теперь полный порядок, – сказал самый высокий разведчик дяде Васе. – Двинем в штаб. А вы досыпайте здесь.

– Пётр Иванович, может, оставите маскхалаты? Глядишь, к утру просохнут.

– Скоро вернемся, тогда уж всё и просушишь.

Маскхалаты были в грязи и особенно густо покрыты грязью на локтях и коленях.

Разведчики закинули автоматы за плечи, вышли из комнаты. Я уснул, и немцы мне больше не снились.

Глава вторая Дела новые и старые

Первое утро

Я проснулся рано. Третьяк всегда будил чуть свет, заставлял работать. Разведчики еще спали.

Дядя Вася сидел на плащ-палатке и зашивал дырку на моем ботинке. Его руки ловко орудовали толстой иглой. По коже протягивалась аккуратная стежка. На другом ботинке уже была наложена новая латка. Рядом со мной лежали сухое пальто, курточка и штаны с зелеными заплатами.

– Чего вскочил? – тихо спросил дядя Вася. – Спи, рано еще.

Он зашил дырку. Прищулив глаз, осмотрел ботинок и поставил рядом с первым:

– До лета хватит. А там и сапоги сошьем. Ты лежи, коль не спится, а мне по хозяйству надо.

Он бесшумно вышел. Я быстро оделся и осторожно, чтобы не скрипели половицы, выскочил на улицу.

Дядю Васю я нашел в сарае около лошадей. Они повернули ко мне головы, насторожили уши, потом кивнули как своему. Я уже выучился у Третьяка за лошадьми ходить. И здесь тоже буду кормить их, чистить, пасти летом. Еще лучше, чем у него. Это ж не куркульские кони, а наши. И военные к тому же.

Дядя Вася жгутом из соломы оттирал грязь с ног у одной лошади. У другой ноги уже были чистые. Теперь ее можно было чистить щеткой. Круглая щетка с ремешком и скребница лежали около сбури. Я быстро надел щетку на руку и стал кругами водить ею по лошадиному крупу. Проведу три-четыре раза, ототру как следует о скребницу и снова чищу. Дядя Вася выпрямился, улыбнулся:

– Ишь ты! Ловко у тебя получается. Видать, довелось конюховать?

– Ага, – ответил я, довольный его похвалой.

– Дело хорошее. По мне, лучше не бывает.

Он почистил вторую лошадь, насыпал овса в большие брезентовые торбы и повесил их на морды. Лошади стали звучно жевать и отфыркиваться.

– Здесь у нас, Федька, порядок. Теперь ребятам кормежку будем готовить.

Дядя Вася подошел к дровам под навесом, набрал их побольше и пошел в дом. Дрова носить тоже надо умеючи. Я согнул левую руку и правой стал накладывать на нее поленья до самых глаз, чтобы унести побольше.

В кухне дядя Вася затопил печку, поставил на нее чугун с мытой картошкой, а что мне делать, не сказал. Я тихо прошел в комнату, сел на лавку и стал дожидаться, когда проснутся разведчики.

Пётр Иванович

Вот один из них открыл глаза и сразу сел, будто вовсе не спал. Он удивленно посмотрел на меня, что-то вспомнил и улыбнулся:

– А-а, новый разведчик.

Разведчик? Это я? Значит, меня уже приняли? Ведь это же Пётр Иванович проснулся, самый главный. И он сказал, что я разведчик.

Он ловко и быстро, без морщинок намотал портянки, натянул сапоги и легко встал. И теперь видно было, какой он высокий и широкий в плечах. Прошелся по комнате, а его совсем не слышно. Как это у него получалось, такого большого и тяжелого? Третьяк пройдет, так весь дом гудит и скрипит, хоть он меньше ростом и не такой здоровый.

Сразу видно, что Пётр Иваныч – начальник. Ни у кого из разведчиков не было таких погон, как у него: на каждой из красной материи нашита большая буква «Т». Над карманом гимнастерки – красная полоска. Глаза строгие, попробуй не сделай, если что скажет. Сразу влетит.

– Вот и старшина проснулся, – послышался из кухни голос дяди Васи. – Поспал бы еще. Не к спеху нынче.

– Хватит с меня. А тебе, Фёдор, боевое задание.

Вот что значит разведчик! Сразу и боевое задание получу.

– Займемся с тобой утренним туалетом. Бери кружку.

Пётр Иваныч снял гимнастерку, закатал рукава рубахи. Его руки были исцарапаны по самые локти. Ладони жесткие, пальцы в заусенцах. Ведро, полное воды, он взял одной рукой так легко, будто оно пустое. Я бы и двумя руками не поднял.

Мы вышли на улицу. На дворе было много синих луж. Вода в них рябилась от ветра. Пётр Иваныч остановился у забора, где посуше. Поеживаясь от утреннего холода, я стал рядом. Он широко расставил ноги, наклонился, подставил под кружку руки:

– Лей... Хороша водичка. А ну-ка еще! Побольше, побольше!

Ему нравилось умываться. Он так намылил лицо, что оно стало совсем белым, растирал его, снова и снова целыми пригоршнями обливал студеной водой. Больше полуведра пришлось вычерпать. Наконец он выпрямился, вытерся жестким полотенцем. Лицо его покраснелось, от него пошел пар.

– Теперь полный порядок. Становись, твой черед.

Я снял курточку, так же, как и он, засучил рукава рубашки и подставил руки под кружку. Острая вода обожгла кожу. Но я старался умываться так же, как Пётр Иваныч, и так же громко фыркал.

Когда мы вернулись в дом, дядя Вася уже накрывал на стол. Он поставил на стол чугунок с картошкой, из которого поднимался вкусный пар, две тарелки, полные селедки. Разведчики умылись и усаживались вокруг стола. Я сосчитал: всего их без меня и дяди Васи было тринадцать. Пётр Иваныч сел последним посредине. Ему там место оставили.

Здесь всё было не так, как у Третьяка. У того сначала молились, а потом садились за стол. И за столом было тихо. Я все время боялся что-нибудь не так сделать и никогда не наедался. А разведчики весело переговаривались:

– К такой картошке да грамм триста!.. А то сухая ложка рот дерет, – сказал один.

– Вот маманя моя на картошку мастерица. На стол поставит с дымком, с парком, не хочешь, а съешь, – рассказывал другой.

Разведчики звали его Яшкой, он был самый молодой, говорил и смеялся громче всех, сильно напирал на букву «о». У Яшки лицо круглое, как мяч. Если бы я и захотел, никогда бы не смог так щеки надуть. И губы у него были толстые, смешные.

Я стоял у двери и не решался подойти к столу. Может, мне еще нельзя садиться? Пётр Иваныч удивленно оглянулся на меня:

– Ты чего стоишь? Садись быстрее, а то не достанется. Харч – главное дело в солдатской жизни. Здесь не теряться.

Он хлопнул ладонью по лавке рядом с собой. Разведчики подвинулись, и я торопливо сел.

– Приступай смелее. И голову не втягивай. Ну-ка, выпрямись!

Я не нарочно втягивал. Привык так у Третьяка.

Разведчики натыкали картошку на финки и счищали кожуру. Дядя Вася сел рядом со мной, достал ножом картошку, очистил:

– Держи. Бери хлеб, селедку.

Картошка была рассыпчатая, с вкусным запахом. Я старался есть медленно, как в гостях, брать поменьше, чтобы не обгонять разведчиков, но ничего не мог с собой поделаться, ел много и быстро, откусывал хлеб большими кусками и виновато поглядывал на Петра Ивановича. Он улыбался мне спокойной улыбкой. Дядя Вася разлил по кружкам крепкий чай. Пётр Иванович пил, довольно причмокивая.

– Спасибо, Егорыч, – поблагодарил он дядю Васю.

Пётр Иванович встал и посмотрел на разведчиков. Те замолчали.

– Почистить оружие, привести в порядок мешки, уложить всё! – проговорил он строго и вышел из-за стола.

Я поднялся за ним вместе с разведчиками. Я так наелся, что меня даже покачивало с непривычки.

Автомат – хорошая штука

В это время к дому подъехала машина. Открылись двери, простучали тяжелые шаги, и два бойца внесли обитый железом ящик с большими буквами и цифрами на крышке. Один из бойцов протянул Петру Ивановичу бумагу:

– Дёмушкин, прими и распишись.

Я удивленно посмотрел на Петра Ивановича. Это его фамилия? Она мягкая, пушистая, какая-то маленькая. А он такой строгий, большой.

– Егорыч! Давай топор! – крикнул он в кухню.

Он отодрал крышку. В комнате густо запахло ружейным маслом. В ящике жирно блестели черные автоматы и диски.

– Подходи! – скомандовал Пётр Иванович. – Как, Витёк, не передумал? – спросил он одного из разведчиков.

– Нет, менять не буду. Сроднился со своим. Пусть еще послужит.

– Дело хозяйское.

Я уже заметил этого разведчика. Он мне особенно понравился. Видать, Пётр Иванович его любил. Вон как называл – Витёк. Если не любят, так звать не будут. И такой Витя аккуратный. Ремень затянул, под ним ни одной складочки. Прямые белые, как солома, волосы зачесаны назад. Умные глаза смотрят внимательно и спокойно. Когда взрослый умный – сразу разберешься.

Почему он не захотел обменять свой автомат на новый? Новая вещь всегда лучше старой. Витин автомат ничем не отличался от автоматов других разведчиков: чернота во многих местах облезла, на дереве приклада были царапины. А эти в ящике – такие красивые!

Витя стал разбирать автомат. Его руки двигались легко. Я даже не успел понять, как это у него так ловко получалось, а уже все части были аккуратно разложены на плащ-палатке.

– Что, понравилось? – спросил он веселым голосом.

– Да.

Он шомполом стал чистить ствол.

– А мне можно почистить? – попросил я.

– Почему же нельзя?

Витя оторвал кусок от своей тряпочки и протянул мне вместе с затвором. Я старательно тер его белую сталь, хотя на ней не было ни одного пятнышка. Мы с Витей вычистили весь автомат, собрали его.

Разведчики густо смазали старые автоматы, сложили в ящик. Пётр Иванович и дядя Вася забили крышку, и два бойца унесли его.

Разведчики занялись новыми автоматами, оттирали их от смазки.

– Пристрелять бы, пока время есть, – озабоченно сказал Пётр Иванович. – А то в чужого прицелишься – в своего попадешь.

– Тут овражек недалеко – подходящий для такого дела, – посоветовал дядя Вася.

– Порядок. Приготовь, Егорыч, упоры. И щиты нужны.

Дядя Вася нашел в доме большой кусок фанеры, разрубил его надвое, подстрогал края, приделал по две стойки, туго набил сеном два вещевых мешка. Пётр Иванович на каждом щите начертил и зачернил прямоугольник.

– Всем каналы стволов протереть досуха! – приказал он разведчикам.

В овраге Пётр Иванович попросил Витю:

– Отмерь пятьдесят метров.

Тот пошел к краю, считая шаги. За ним дядя Вася понес щиты. Витя остановился, воткнул стойки в мокрую землю.

– Приводить к нормальному бою буду я и Витёк, – сказал Пётр Иванович.

Он свободно лег на плащ-палатку, широко раскинул ноги и обхватил руками автомат. Глаза его стали холодными, возле рта появились жесткие морщинки. Витя расправил складки гимнастерки под ремнем, лег на другую плащ-палатку. Спокойно и недолго целясь, они сделали по четыре выстрела и пошли к щитам. Мы – за ними. Пётр Иванович мелком отметил пробоины:

– Кучность нормальная. Средняя точка попадания в центре. И у тебя, Витёк, порядок. Давай другие автоматы.

Теперь Пётр Иванович стрелял из автомата дяди Васи, а Витя – из автомата Яшки. Они снова сделали по четыре выстрела, отметили пробоины, потом отвертками немного подвинтили мушки и повторили стрельбу.

– Полный порядок, – сказал Пётр Иванович, когда постреляли из всех автоматов.

По щитам очередями начали стрелять другие разведчики.

Я так нетерпеливо смотрел на Витю, что он понял:

– Пострелять хочется?

– Ага. Только можно из вашего автомата?

– Ложись! – скомандовал Витя.

Я упал на плащ-палатку и схватился за автомат. Витя лег рядом:

– Ноги пошире раскинь. Переводчик у нас на одиночном? Правильно. Отводи рукоятку назад. Смелее. Щеку – к прикладу. Мушку видишь?

– Вижу.

– А прицел?

– Тоже.

Глаза у меня почему-то слезились, мушка прыгала и расплывалась.

– Вершина мушки и вот эта планка должны быть на одном уровне. А ну-ка попробуй. Получилось?

– Да, – соврал я.

Витя хитро посмотрел мне в глаза, поправил автомат, чтобы он ровнее лежал на вещевом мешке, и разрешил:

– Можешь стрелять.

Я хотел, как Витя, медленно нажимать на спусковой крючок – и все-таки дернул его. Дуло автомата вспыхнуло огнем. Он подскочил.

– Не дергай, – спокойно сказал Витя. – Сними палец со спускового крючка. Нажимай снова.

Второй раз получилось лучше.

– Теперь попробуй очередью.

Витя поставил переводчик на автоматический огонь. Я нажал на спусковой крючок. Прозвучала длинная очередь. Она оглушила и испугала меня.

– На первый раз хватит. Доволен?

Еще бы! Если бы можно, я стрелял бы и стрелял...

Уходим из города

Петра Иваныча вызвали в штаб полка. Скоро он вернулся и собрал всех разведчиков:

– Выступаем через час. Фрицы еще ночью начали драпать дальше. Наш «язык» подтвердил. Будем догонять их. Может, скоро в бой введут.

Разведчики снарядили диски патронами, надели телогрейки, маскхалаты, накинули плащ-палатки. А мне недолго собираться. Застегнул пальто – и выходи. Я стоял возле Петра Иваныча и ждал его команды.

– Ты, Фёдор, будешь с Егорычем, – сказал он строго. – Поможешь ему, понял? Смотри, Егорыч, чтоб порядок был, – предупредил он дядю Васю. – Катись в своем обозе и не лезь вперед. Я уж и так выговор от бати за тебя схлопотал. Что это, говорит, ваша шальная повозка путается в боевых порядках, решили на повозках в разведку ездить?

– Мало ли чего, – смутился дядя Вася. – Вдруг патронов не хватит аль гранаты кончатся, перекусить ребятам нужно – всё под рукой будем. А по тылам чего пастись...

Пётр Иванович улыбнулся:

– Помогать – помогай, а под снаряды не суйся. Рванет тебя вместе с повозкой – и поминай как звали, никакой помощи не дождешься.

Разведчики ушли. В комнате остались их шинели, вещевые мешки, ящики с патронами, коробки с гранатами, продукты. Дядя Вася начал неторопливо собираться. Я помогал ему. Мы подобрали с пола сено и отнесли в повозку. На сено уложили шинели, мешки и всё наше хозяйство. Дом теперь стал чужим, и хотелось поскорее уехать. Дядя Вася вывел из сарая лошадей, запряг их.

Мы выехали на улицу. Рядом с нами, впереди и сзади шли бойцы, ехали повозки.

– Двинулась матушка-пехота, – улыбнулся дядя Вася.

Бойцы в пехоте были с винтовками, а разведчики – с автоматами, бойцы – в ботинках с обмотками и в шинелях, а разведчики – в сапогах, телогрейках и маскхалатах, бойцы несли мешки на себе, а мешки разведчиков везла повозка. Далеко этим бойцам было до разведчиков.

Я смотрел вперед: может, мы догоним наших.

– Дядя Вася, а наши далеко ушли?

– Они в голове. Разведчики.

Я уже давно понял, что дядя Вася не разведчик, а вот кто он, боялся спросить. А теперь можно.

– Дядя Вася, а вы кто?

– Я-то? Ездовой.

Ездовой? Он, наверное, потому так назывался, что все время ездил. Он и не похож на разведчика, и старый такой.

Повозка въехала в город. Мы сюда с мамой и папой перед самой войной приехали. Здесь больше всего жило поляков и украинцев. И город кто называл «място», а кто «мисто». На одной улице стояла церковь, на другой – костел. И в костел, и в церковь по воскресеньям набивалось полно народу. В центре города была старая крепость. Ребята говорили, что ей тысяча лет, а может, и больше. Стены в крепости такие широкие, что по ним свободно втроем пройдешь. Улицы узкие, дома с острыми крышами, окна закрывались ставнями. И мостовая была не такая, как у нас раньше, а выложена большими гладкими каменными плитами. Город, и крепость, и сёла кругом – все это называлось Западной Украиной.

Наша повозка проехала по одной улице, по другой, свернула в следующую. Это была та самая улица...

Мы жили на ней. Мама, когда мы остались с ней вдвоем, работала уборщицей в немецкой конторе. Каждое утро уходила рано, приходила поздно, зато приносила поесть. Я иногда помогал ей подметать в конторе и выносить мусор. И дома все делал, что она просила.

Посреди улицы всё время ходили жандармы. Особенно страшным был один: высокий, здоровый, в большущих начищенных сапогах, в новой шинели. Днем он убил двух подростков. Выследил и убил. Я слышал его выстрелы. А ночью его самого убили... На другое утро гестаповцы устроили облаву, хватали всех подряд. Схватили и маму. Вместе с другими – заложницей. Их увезли за город. Я бежал за мамой изо всех сил. Какие-то люди остановили меня, не пустили. Потом я услышал выстрелы.

...Мы выехали на шлях. Он уходил далеко-далеко. Хорошо, что мы уезжали из этого города, от Третьяка, от всего, что было в оккупации.

Часть вторая

Наступление

Глава первая

Первый бой

«Снаряды – вперед!»

С бугра по мокрому полю к нам бежал боец. Он отчаянно выдирал ноги из грязи, что-то кричал, но что, не слышно. Боец подбежал к первой штабной повозке, что-то сказал ездovому. Тот повернулся назад и тревожно крикнул:

– Снаряды – вперед!

Другие бойцы подхватили крик. Мы с дядей Васей тоже кричали:

– Снаряды – вперед! Снаряды – вперед!

Снаряды нужны пушкам на высоте. За ней шел бой. А кто там побеждает – наши или немцы, не видно. Этот бугор, который кто-то из офицеров назвал высотой, всё закрывал. Слышно только, как стреляют винтовки, стрекочут автоматы и пулеметы и с высоты гулко бьют пушки.

Повозки со снарядами рванулись с места. Ездовые нещадно стегали лошадей. Те неслись во всю прыть. Повозки промчались мимо нас.

Я посмотрел на дядю Васю. Может, разведчикам как раз сейчас нужны патроны и гранаты, а мы в обозе стоим. Он тоже так подумал. Глаза его блеснули. Он сердито дернул вожжи, крикнул на лошадей. Они свернули влево, быстро обошли повозки, на которых ехал штаб, взяли крупную рысь.

Лошади артиллеристов скоро перешли на шаг. Ездовые спрыгнули на землю и бежали рядом. Мы догнали их и на высоту въехали вместе. Повозки со снарядами понеслись к пушкам. Дядя Вася заметил невдалеке от них большую яму и спустил в нее повозку. Сам взял автомат и залег наверху. Я упал рядом с ним.

Отсюда весь бой хорошо виден. Он совсем не такой, как я думал. Я представлял себе: немцы убегают во все лопатки, а наши на ходу щелкают их одного за другим, одного за другим. Немцы бегут толпой, а у наших – одна цепь, вторая, третья.

Но все было по-другому. Наши рассыпались между хатами и перебегали поодиночке, будто играли в прятки. А где же разведчики? Как я ни смотрел, никого из них не увидел. Они, наверное, прорвались так далеко, что пехота отстала.

Я стал смотреть на бойцов. Приметил одного. Высокого, в шинели, с винтовкой со штыком. Он бежал неторопливо, то пригибался, то выпрямлялся, то забирал вправо, то влево. Изредка он останавливался, прикладывал винтовку к плечу и стрелял.

А вон и немцы. Они были еле видны, но я их ни с кем не спутаю, насмотрелся, хорошо запомнил. Ага, они убегали. Пусть не толпой, но все равно драпали. Так их! Так!

Я стреляю по немцам

Артиллеристы разгрузили повозки, снова разбежались по своим местам у пушек и продолжали стрелять. Пустые повозки понеслись вниз.

– Дядя Вася, можно? – крикнул я.

Он напряженно что-то высматривал в селе и даже не повернул головы на мой крик, только махнул рукой.

Я побежал к пушкам. Их было две. Они вместе с нами шли в колонне. На остановках я подходил к артиллеристам, разговаривал с ними. Такие же пушки я видел еще в начале войны, когда наши отступали. Тогда мы с ребятами тоже бегали смотреть, как они стреляли, и приносили артиллеристам воду и хлеб.

Сейчас пушки стреляли всё быстрее, точно поспорили, кто выпустит больше снарядов. Снаряды летели к высоте на другом конце села, где еще были немцы. Там вспыхивало пламя разрывов, выбрасывалась вверх земля.

Я остановился у ближней пушки. Артиллеристы были в замасленных гимнастерках. Их шинели, шапки и ремни валялись на земле. Но и в гимнастерках им было жарко. Лица закоптились от дыма и пороха. Глаза зло блеснули.

Командовал здесь старшина с такими же, как у Петра Иваныча, погонами. Он стоял слева от пушек, немного впереди. На груди у него висел бинокль. Он то подносил его к глазам, то забывал о нем. Резким голосом он кричал: «Огонь!» – и рубил рукой воздух. Старшина не поворачивал головы к пушкам. Казалось, он командовал самому себе. Артиллеристы тоже не смотрели на него, но тут же выполняли команды.

Один из бойцов сидел на станине. Приставив правый глаз к прицелу, он быстро вертел рукоятки, и ствол то опускался, то поднимался, двигался то вправо, то влево. Другой боец вгонял снаряд в ствол, а третий – с железным стуком открывал и закрывал замок.

Труднее всех приходилось четвертому артиллеристу. Он был самый старый, худой, с глубокими морщинами на лице. Его гимнастерка вся была выпачкана ружейным маслом. Он бегал к ящикам, вытаскивал снаряды, обтирал их тряпкой, каким-то особым большим ключом свинчивал с головок колпачки и подавал второму бойцу. Он торопился, но не поспевал.

Артиллерист увидел меня и крикнул:

– Чего стоишь? Помогай!

Я сразу понял, что надо делать. Бросился к открытому ящику, схватил новенький скользкий снаряд и подал артиллеристу. Он обтер его гимнастеркой, зло свинтил колпачок, отбросил и передал соседу. Тот с ходу вогнал мой снаряд в ствол. Третий боец с железным стуком закрыл замок. Старшина ладонью разрубил воздух. «Выстрел!» – крикнул первый боец и дернул шнур. Короткое пламя вырвалось из ствола, и мой снаряд понесся к фрицам.

Есть! Раздался взрыв, поднялась земля, полетели доски. Снаряд попал в цель. Точно!

Второй артиллерист дернул рукоятку. Почерневшая гильза выскочила из пушки и, дымясь, откатилась со звоном к мои ногам. Я засмотрелся на нее.

Первый артиллерист повернул ко мне гневное лицо, а четвертый крикнул:

– Шевелись!

Я опомнился и бросился к ящику. Когда я стоял возле пушки и ничего не делал, было немного страшно: ждешь выстрела и обязательно вздрогнешь. А сейчас не до страха – только успевай подавать снаряды. Я был весь в поту. Если бы пальто сбросить... Но даже расстегнуть не успеешь.

– Четыре снаряда, беглым – огонь! – скомандовал старшина.

Догоняя друг друга, снаряды как молнии понеслись к немецкой высоте.

Старшина посмотрел долгим взглядом в бинокль и хрипло протянул:

– От-бо-ой!

Артиллеристы, кто где стоял, опустились на землю. Они тяжело дышали, вытирали лица грязными платками, жадно закуривали.

– Шабаш, – тихо сказал мне четвертый артиллерист и закрыл глаза.

У меня в ушах стояли шум и звон. Ломило спину, гудели руки и ноги. Я облизывал шершавые губы, дышал всей грудью и не мог надышаться. Неужели стало тихо? Старшина устало сидел на земле, курил, и тишина не исчезала.

А дядя Вася? Как я забыл о нем? Где он?

Вот так лапшичка!

Дядя Вася был там, где я его оставил. Когда я подбежал, он повернулся ко мне:

– Тебя где носило?

– Помогал. Артиллеристам. Мы по немцам стреляли.

Но лицо дяди Васи оставалось недовольным, и я сказал:

– Вы разрешили.

– Разрешил? – удивился он и скомандовал: – Быстрее садись, помощник! Сейчас тро-немся.

Дяде Васе было не до меня. Он боялся за разведчиков. А я и не думал о них. И правильно, что он меня отругал. Надо быстрее найти наших.

Мы выбрались на дорогу и покатили в село. Там стрельба совсем стихла. Утреннее солнце разорвало облака. Над полем стоял туман. Подул свежий ветер. Я подставил ему лицо.

Мы въехали в село. Хаты в нем стояли как попало, куркульские – подальше одна от другой, бедняцкие – поближе. Хату куркуля от бедняка отличишь запросто. У бедняков крыши – из старой, почерневшей соломы, а у куркулей – из дранки или жести. Куркульские хаты стояли в садах, огороженных заборами, а у бедняков-то и заборов не было. Сейчас ни куркулей, ни бедняков нигде не видно. Наверное, удрали в лес или попрятались в погребах. Только бойцы устало ходили по селу. На улице было много воронок от снарядов. Снаряды выбили окна в хатах, пробили стены, а одну хату совсем разрушили – вместо нее была огромная куча обгорелых бревен и черных кирпичей.

Штабные повозки проскочили вперед и остановились у крепкой хаты. И нам нужно было селиться рядом. Дядя Вася растолковал, что разведчики всегда живут около штаба. Но где же они?

В лесу, который подходил к самому селу, прогремели автоматные очереди, бухнули разрывы гранат. Бойцы остановились, стали слушать. Кое-кто взял винтовку наизготовку и побежал на выстрелы.

Что же дальше будет? Но вот из леса вышли бойцы. Да это же разведчики!

– Дядя Вася, смотрите!

Он тоже узнал их и поехал навстречу.

Разведчики шли быстро, весело. Впереди широко шагал Пётр Иванович. Рядом с ним – Витя. Как и у Петра Ивановича, шапка у Вити была сдвинута на затылок и открывала высокий

лоб, слипшиеся волосы. Разведчики улыбались, были как будто выпившие, словно в каком-то жару. Они подошли к нам, остановились.

– Доехал-то как? – громко спросил Пётр Иванович дядю Васю.

– Ничего. Вроде живы.

– Будем здесь устраиваться. Витёк, подбери избенку, пока не расхватали. Да поосторожней, на сюрприз не нарвись.

Что случилось с разведчиками в лесу? Почему они такие веселые?

Витя прошел мимо нескольких хат, возле одной остановился, обошел ее со всех сторон, тихонько открыл дверь, исчез. Спустя немного вышел на дорогу и махнул нам рукой. Мы направились к нему.

– Гостиница к вашим услугам. Располагайтесь. Прошу, – доложил Витя Петру Ивановичу.

Разведчики в незнакомой хате чувствовали себя свободно, совсем не стеснялись. Они, как артиллеристы после стрельбы, устало сидели кто на лавке, кто на кровати, кто на полу.

– Дай-ка закурить, – попросил Пётр Иванович дядю Васю, – у меня весь табак вышел.

Дядя Вася вытащил кисет и свою «катушку» – кремень, пухлый белый шнур и кусочек напильника вместо кресала. Надежная вещь. Всегда добудешь огонь, когда требуется. Дядя Вася стал наделять разведчиков махоркой и, когда они свернули сигарки, всем дал прикурить.

Пётр Иванович с удовольствием затянулся, придержал дым и густо выпустил его. А Вите не шло курить, он будто понарошку баловался.

Дядя Вася растопил печку, поставил на нее полный чайник, потом выложил на стол консервы, хлеб, сахар.

Пётр Иванович посмотрел на него, что-то вспомнил и улыбнулся:

– Хороша лапшичка была! Не дали спокойно доесть, гады!

Какая лапшичка? Ведь разведчики были в бою. А может, это какое-нибудь военное слово, как «язык»? Витя озорно подмигнул дяде Васе.

– Когда фрицев из деревни вышибли, – начал он, – батя приказал: пока пехота закрепляется, прочесать еще раз лесок на всякий случай. Рассыпались, идем. Смотрим: полянка, а на ней избушка на курьих ножках. В случае чего оборону держать можно. Осмотрели всё – пусто. Хотя чувствуем, кто-то есть, человеческим духом пахнет. И точно. Хозяйка в погребе спряталась. Увидела нас, перепугалась насмерть, слова сказать не может. Вытащили, еле успокоили. Пришла в себя, усадила всех на радостях под иконы, к святым поближе, а сама принялась лапшичку стряпать. Поставила тарелки на стол – как налегли, только треск за ушами пошел. Вдруг видим – фрицы! Человек тридцать. Вышагивают, озираются. Сразу видать, что пуганые уже. На лапшичку потянуло. Мы за автоматы – и во двор. Яшка – тот прямо через окно хотел на фрицев в атаку кинуться. Может, конечно, не в атаку, а от них. Кто его знает?

Витя лукаво посмотрел на Яшку. Тот густо покраснел.

Яшка был не только самый молодой из разведчиков, но и воевать начал ненамного раньше меня, не то что Пётр Иванович и Витя.

– У Сарпахана глаза совсем исчезли, – продолжал Витя. – Один Пётр Иванович бровью не повел, будто ждал этих фрицев. Поближе они подошли – как дадим из автоматов! Для паники еще гранат подбросили. Фрицы, конечно, подрапали. Вдруг слышу – один автомат прямо из окна бьет. Что, думаю, еще за союзник у нас объявился? Ведь помню точно – все во двор выскочили. Оглянулся – ну и картина! Окно распахнуто, а в нем – Пётр Иванович. Автомат на подоконник поставил и бьет одной рукой, как из пистолета, а другой лапшичку в рот отправляет. Ложку за ложкой. Сочетает приятное с полезным. Эх, думаю, съест всю и нам ничего не оставит! Добавили фрицам огоньку, чтобы побыстрее смывались, и снова в дом. Так тарелки вычистили, что хозяйке и мыть не надо. Придется тебе, дядя Вася, учесть персональный вкус Петра Ивановича. Осваивай лапшичку...

– А почему мы остановились здесь, дальше не пошли? – спросил дядя Вася Петра Ивановича.

– Сам видишь – грязи по колено. Долго не пронаступаешь. В этой деревне у фрицев заслон был, а главная оборона – километра полтора-два отсюда.

– И долго тут простоим?

– Долго не долго, а дней пять-шесть, может, придется. Тут с кондачка дело не сделаешь. Работы хватит.

Глава вторая

Поиск

«Попрыгали!»

Пётр Иванович с утра объявил: ночью пойдем в поиск. Днем разведчики поспали, а сейчас, к вечеру, в одних гимнастерках, без сапог сидели за столом и набивали диски патронами. Дядя Вася выставил на стол целый ящик. В диске помещалось семьдесят два, а каждый брал с собой по два полных. У разведчиков патроны один за другим с треском исчезали в дисках. Только Яшка никак сразу не попадал в отверстие, беспокойно поглядывал на Петра Ивановича. Он, наверное, боялся в поиск идти.

– Одеться, – негромко приказал Пётр Иванович, сам первый оделся и внимательно следил, как собирались разведчики.

Витя все делал так же неторопливо и основательно, как Пётр Иванович. Легко натянул сапоги, надел телогрейку, а поверх нее цветастую рубаху. Перепоясал себя ремнем, разогнал под ним складки, повесил на него запасной диск в чехле, финку, гранаты. Другие разведчики старались не отставать.

Я надел пальто, приготовился.

– А ты куда? – удивился Пётр Иванович.

– С вами пойду.

– Отставать! Аника-воин! Раздевайся. И чтоб здесь был полный порядок! Ясно?

– Ясно... – вздохнул я.

Разведчики присели. Посматривая на Петра Ивановича, закурили. Дядя Вася говорил, что на войне без хлеба проживешь, а без курева никак нельзя. У разведчиков были и кисеты, и трофейные портсигары, а у дяди Васи про запас целый ящик махорки.

– Готовы? – спросил Пётр Иванович и тут же скомандовал: – Становись!

Разведчики выстроились в ряд посреди хаты. Пётр Иванович шел вдоль строя и, щуря глаза, оглядывал каждого. Потом приказал:

– Попрыгали!

Разведчики запрыгали.

– Хватит, – остановил их Пётр Иванович и подошел к Яшке. – Доставай спички. Гремят – за версту услышишь.

Пётр Иванович вытащил из кармана бинт, оторвал маленький кусочек, положил в коробок и потряс его. Теперь ни одна спичка не пошевелилась.

– Держи.

Яшка хотел улыбнуться, но лицо его вдруг испуганно сморщилось. Вот если бы сейчас Яшка отказался идти в поиск или Пётр Иванович прогнал его, я встал бы в строй вместо него. Ведь разведчиков должно быть тринадцать. Я бы и был тринадцатым. А сейчас я просто лишний.

Пётр Иванович подошел к другому разведчику:

– А у тебя что шумит? Выкладывай.

Тот достал из кармана нож и портсигар.

– Нож оставь, а портсигар сдай Егорычу, курить некогда будет.

У Вити было всё в порядке, и Пётр Иванович ему ни одного замечания не сделал. И Сарпахану тоже. Сарпахан Каржаубаев – казах с узкими, как щелочки, глазами. Скулы у него широкие, и кожа на лице так натянута, что вот-вот лопнет. Я еще не слышал от него ни одного слова, хотя он понимал всё, что говорил Пётр Иванович, и задания выполнял старательно. Пётр Ива-

ныч всегда держал его возле себя и никогда не разговаривал с ним сердитым голосом. И еще я заметил, что Сарпахан любит чистить свой новый автомат. Сядет в углу или у стенки прямо на пол, скрестив ноги, и может так сидеть долго-долго. Сам неподвижный, только руки работают. Автомат уже весь блестит, а он все чистит и чистит.

Пётр Иванович проверил, у всех ли есть индивидуальные пакеты. В пакете бинт и два куса ваты. Если ранят, сам себе перевязку сделаешь.

– Погодка нудная, – предупредил Пётр Иванович. – Ни дождь, ни ветер, а так себе, морока в небе и на земле. Ежели кого на кашель тянет, взять с собой хлеба.

Он посмотрел на часы:

– Разойдись. Надеть плащ-палатки. Выходим через две минуты.

Разведчики снова молча присели.

Пётр Иванович негромко скомандовал «вперед» и первый вышел из хаты. Мы с дядей Васей вышли следом. На улице было темно и сыро. Моросил дождь. Под ногами разведчиков зашестела мокрая трава. Они вышли на дорогу, свернули влево и быстро, как днем, зашагали к переднему краю. Грязь хлюпала всё тише...

Так долго ждать

Разведчики скрылись в темноте. Мы с дядей Васей немного постояли у дороги и вернулись в хату. Было тихо, пусто, одиноко. По полу и стенам ходили красные пятна от печки. Падали они и на иконы в углу, и на фотографии на стенах. У Третьяка таких икон висело много. Хозяев этой хаты я так и не видел. Наверное, прятались где-нибудь, ждали, когда мы уйдем.

Дядя Вася вымыл посуду, прибрал на столе, подмел пол, взбил сено, аккуратно, одну к одной постелил шинели. Он искал глазами, что бы еще сделать, но в хате уже был полный порядок. Он присел на скамейку у печки. Отблеск огня блеснул на его седых волосах, коснулся рук, и я увидел, какие они у него мозолистые, рабочие. У меня тоже были мозоли. Сначала я даже стонал и плакал от боли. А потом, когда мозоли затвердели, было легко ворочать и вилами, и лопатой. Дядя Вася смотрел на огонь, и я почувствовал, что он тоже думает о разведчиках, тревожится о них.

Я всегда любил, когда Третьяк куда-нибудь уезжал и в доме наступала тишина. Но сейчас тишина не радовала. Быстрее бы вернулись разведчики и в хате стало шумно и весело!

– Дядя Вася, а кто Пётр Иванович?

– Он-то? Сибиряк. Слыхал небось про Сибирь? Сибиряки – народ крепкий, надежный. С ними не пропадешь.

– А за что ему красную нашивку дали?

– В бою его ранили тяжело. Еле выходили в госпитале. Вот и носит нашивку.

– А Витя откуда?

– Из Воронежа. Витюшка у нас парень золотой. Самый грамотный. На учителя учился. После войны, ежели жив останется, кончит свою науку, хороший учитель будет.

Вот и дядя Вася тоже Витю любит.

– А Яшка?

– Горьковский. На Волге жил. Зеленый еще. Только-только воевать начал. А так смысленный. С Петром Ивановичем солдатскую науку быстро пройдет. Хороший разведчик будет.

А я смогу солдатскую науку пройти? Если бы Пётр Иванович объяснил мне ее, показал, я бы тоже мог хорошим разведчиком стать.

– А вы?

– Я-то? Из-под Калуги. Есть там городишко Малоярославец, а под ним и деревня моя – Петровское. Там и жил, в колхозе работал.

Сколько всяких городов на свете! Я и не знал о них ничего.

Дядя Вася рассказал мне и о других разведчиках, кто откуда на фронт пошел. Потом мы надолго замолчали.

Я устал сидеть у печки и подошел к столу. На нем лежал автомат дяди Васи и патроны в картонных коробочках. Автомат нельзя трогать, он не игрушка. А патрончиками поиграть можно. Я набрал их целую горсть и начал расставлять на столе. Вот этот, самый боевой, – Пётр Иванович, самый белый – Витя, а самый красный – Яшка. Эти – остальные разведчики. Два самых черных патрончика – фрицы. Они спрятались за консервной банкой. Наши заметили их и незаметно подбираются. Они уже проползли через наш передний край – куски сахара, подползли к бугру – горбушке и притаились. Вдруг как выскочат – и на фрицев! Связали их, скрутили и поволокли к нашей хате – буханке. Потом разведчики и меня взяли с собой в поиск. Я ползу с автоматом и первый вижу фрица. Он не слышит, как я подкрадываюсь к нему. Я наставляю на него автомат и громко кричу: «Хенде хох!»¹ Фриц поднимает руки. Я привожу его к разведчикам, и они благодарят меня. Но вот с ними случилось несчастье. Они попали в засаду. Фрицы насаждают со всех сторон. И тут я бегу на помощь, расстреливаю их из автомата, выручаю наших. И теперь они всегда берут меня с собой в разведку.

Наверное, уже много времени прошло. Я вышел во двор. Была глубокая ночь. Шелестел дождь, густо поблескивали лужи. Порывами налетал ветер. Я ежился от холода, всматривался в темноту и прислушивался, не раздадутся ли шаги разведчиков.

Ничего не слышно. Только с переднего края доносилась редкая перестрелка: стрелял то наш пулемет, то немецкий. В черном небе чиркали трассирующие пули. В разных местах взлетали ракеты. Они пятнами светились в воздухе.

А здесь, в селе, была глухая тишина. Село точно насторожилось. Тишина угрожала. Казалось, что кто-то подкрадывается сзади и вот-вот бросится на меня. Я оглядывался, но никого не было.

¹ Руки вверх! (Нем.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.